

Фантастическая сатира
(на материале произведений Евгения Лукина)

Илл. 1. Евгений Лукин на Российском конвенте фантастики, 2001 год.

*Тот – ради славы, тот – в избытке мужества,
иной – в угоду звонкому грошу,
а я который год пишу от ужаса,
что больше ничего не напишу.*

Евгений Лукин

Нормы «цивилизованного» бытия деградируют, превращаются в систему выживания, и что ждет мыслящих людей, которые идут по торному пути «процветания» (отчуждения), когда перед ними закрыты тернистые тропы творческого труда? «Статусный» успех в такой ситуации ведет к умственному оскудению, деградации, – приключения-авантюры и тайны-загадки, даже обольщения-соблазнения становятся игровыми, решаются математически, – хотя, разумеется, Его Величество Случай должен сыграть свою роль. Герой повести «С нами бот» по случаю «ставит на себя» электронную систему, превращающую его в киборга. Этот бот ведет себя

оптимально, гарантирует владельцу симпатию и доверие окружающих... В итоге интеллеktуал, ставший главой концерна, выходит из тюрьмы другим человеком. Он не сделался циником, но не видит для культурных людей, подобных себе, другого пути: одурманивай стадо человеческое по его же устремлениям, – «рули системой», иначе тебя, «сильно умного», унижат и раздавят... А раз так, руки по швам, Полиграфы Шариковы! Вы у меня, Лёни Сиротина, нового Хлестакова, получите новый порядок, я вас научу капиталистическое Отечество любить... «Обществу нужен персональный я. Без посредников. <...> Без меня уже не обойтись, в этом вся суть» [1, с. 127].

«Лишний человек», очевидный наследник Онегина и Обломова, но также Хлестакова и Башмачкина, Козьмы Пруtkова и капитана Лебядкина, а еще Кавалерова (Олеша, «Зависть»), Сафонова (Эренбург, «День второй») и Максудова (Булгаков, «Театральный роман»), «ушел в себя», чтобы остаться хозяином самому себе хотя бы таким образом. Это сделало его поначалу жертвой, а затем властелином «общественно-культурной ситуации». Внутренняя свобода позволяла Сиротину «вольнoдумно», «раскованно» шутить, и только, однако в конце повести герой вроде бы избавляется от унижительного страха, от брата-близнеца своего, Каина, воплощенного в *боте*, возвращается к *нормальной* жизни, но что это за жизнь? На своей ли улице, по известному выражению горьковского Булычева, живет этот *культурный герой*? Если на своей, туда ему и дорога, «аристократу духа», но все же возникает сомнение, что владение крупной собственностью в роли главы ООО «Мицелий» – вершина и цель его жизни. (Мицелий – *элинск.* – грибница; в контексте повести это определяющее истинную суть фирмы-паразита нарочито классицистское название указывает на «чисто коммерческую» природу и мафиозные подпорки означенного концерна.) У Сиротина не остается иллюзий ни насчет себя, ни насчет окружающих, и что дальше? Либо тишина-смерть, либо борьба-жизнь, – но за что, во имя чего? Герой повести борется (точнее, отказывается от навязываемой *извне* борьбы) за то, чтобы не потерять себя. Бот ему нужен, пока не выясняется, что он может постоять за себя в любой ситуации, и даже «рефлексивно-пессимистическая» самооценка не мешает «узнику совести», вышедшему на свободу, разглядеть истинную свою натуру.

Жанр – киберпанк? По форме – да, но у Лукина ирония не романтична – и лишена позы, отчего некоторые сравнивают его с Ильфом и Петровым, более ни с кем, потому что не с кем [2]. Правда, в творчестве Лукина нетрудно найти эстетические параллели и принципы художественного анализа, использовавшиеся Новиковым и Фонвизиным, Гоголем и Салтыковым-Щедриным, Розановым и Сашей Черным, Джерри Адамсом и Терри Пратчеттом, И. Варшавским и Ф. Кривиним, братьями Стругацкими, Г.Ф. Олди

(Д. Громовым и О. Ладыженским) и Хольмом ван Зайчиком (И. Алимовым и В. Рыбаковым). Это, однако, не означает ни «подражания», ни «учебы», – если не считать таковыми неприятие известных сторон действительности, интерес к постижению «тайн-истин» и *творческих* метафор «внутри бытия», нежелания «вымучивать» литературное юродство вместо «издевательства над издевателями».

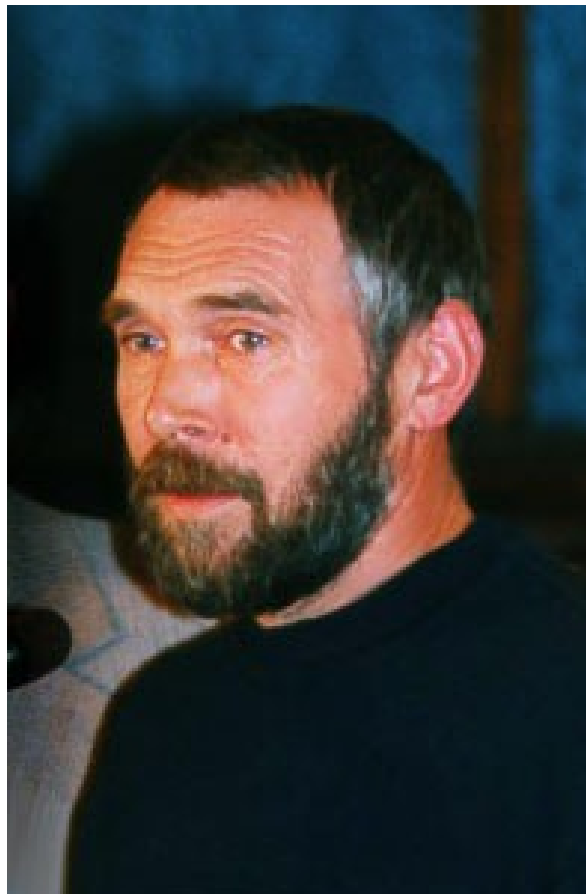
Глубокая ирония, философская, однако граничащая с бурлеском – *интеллектуальная* сатира, исследующая реалии бытия и психологию «культурного героя» современности. Того самого, который неизменно побеждал в ярких, «карнавальных» и жизнеутверждающих, эскейпистских с виду повестях Макса Фрая. Такой же персонаж геройствует в неохватной эпопее Гая Юлия Орловского... Сэр Ричард, *интеллектуал*, наш человек в другой реальности, регулярно общается с дьяволом, будучи «почетным святым» (почти по Е. Шварцу); он сотрет в порошок всякого, кто ему противостоит. При этом, однако, и Лёня Сиротин, и Дима-Ричард остаются духовными потомками Руматы – самого революционаристского, *коммунарского* образа Стругацких, бойца *светлого будущего!* Он не любит проливать кровь, но публике понятно, что жезл божества, суший на сцене-стене, ударит громом не позже третьего акта... А если герой сам по себе «оружие прогресса», тем хуже для его противников – сторонников «механического» развития, закрывающего возможности нравственного и духовного совершенствования в мире олигархов и мафиози, коррупционеров и «журналюг», эгоистов-пофигистов и прочих инвалидов цивилизации. Психология «типичного человека в типичной ситуации выбора» лучше всего видна в деталях художественного бытия, – в упрощенном, «господском» отношении к людям. «Враг труда, нечаянно пригретый славой» – это не о Сиротиных, но как все же быть с *трудом* – коммунистическим или другим, «за деньги»? Поневоле вспомнишь моральные нормы аристократии античной и средневековой, одобрявшие войну, но не «низкий» труд!

Лёне предстоит «работа над собой», прежде всего. Уход от «ботовских» механизмов общения и управления, создание и налаживание новых – не только труд, но и риск! Стало быть, провинциальный олигарх не потерял, а нашел истинного себя? Почему тогда бедный сиротка вызывает сочувствие, несмотря на достигнутое вроде бы благополучие, на обретенную в больнице после покушения и в тюрьме после допросов силу духа? Почему автор, создавший этот образ, получил сразу первую и вторую премии «Роскона-2009» в номинации «Рассказ, повесть» (за повести «Лечиться будем» и «С нами бот»)? [3]. (Кстати, повесть «С нами бот» получила массу и других наград и премий: Сигма-Ф, 2009 // Средняя форма, повести; РосКон, 2009 // Повесть, рассказ. 1 место

(«Золотой РОСКОН»); Портал, 2009 // Средняя форма; Интерпресскон, 2009 // Средняя форма (повесть); Астрея, 2009 // Повесть; Премия «Серебряная стрела», Серебряная стрела-2008 // Лучший главный герой).

Что такое фантастическая проза Евгения Лукина и почему она сатирична

Весной 2010 г. Евгению Лукину, писателю-сатирику, «фантасту» и «сказочнику», поэту-барду, исполнилось шестьдесят. Его звучное имя и яркое творчество ассоциируются у читателей с феерически разнообразными и более чем колоритными героями его книг. Прежних, созданных в соавторстве с женой, Любовью Лукиной, и теперешних – образцово реалистичных, даже в чем-то «приземленных», но вместе с тем и фантазмагорических, принципиально язвительных, адресно-сатиричных. При этом юбиляр на роль пророка-всезнайки, скорбящего мудреца в белых одеждах (вроде халата врача) не претендует, – созданные им (*выведенные на сцену*) герои являются не

Илл. 2. Евгений Юрьевич Лукин (г.р. 1950).
только «объектами художественного исследования».

Очень разные, неприятные и забавные, печально-комичные и одновременно карикатурно-трагичные из-за интеллектуальной и функциональной ограниченности, обусловленной культурно-исторической ситуацией или ложными представлениями, они отталкивающе узнаваемы, но при этом восхитительно оригинальны, надрывно сложны и шокирующе примитивны. Можно в качестве примеров вспомнить интеллигентнейшего («до судорог») Никиту Кляпова и его врага-антагониста, уголовника Креста, гения-хулигана Ромку и милиционера Василия, «высоко духовную» (по *самоподаче*) красавицу Лику и вульгарную скандалистку Клавку («Гений кувалды», 1997). Это наши

современники, *socedi*, действующие внутри неумолимо развивающегося общественного конфликта, они нам еще как знакомы («может, я это, только моложе, не всегда мы себя узнаем», – слова Добронравова, музыка Пахмутовой)... Короче говоря, творчество Лукина и впрямь пребывает вне «образных соответствий» с отечественными фантастами, с творчеством иностранных коллег аналогии тем более сомнительны. Но если сравнить «социальные параметры», можно отметить несомненную *преемственность*, – от Гоголя Николай Васильича и сразу трех Михайлов (вице-губернатора Евграфыча, сталинского «любимца» Афанасьича и заклеянного ждановским проклятием Михал Михалыча) к упомянутым выше Ильфу и Петрову, а также братьям Стругацким (сатира у них имела место не только в «Сказке о Тройке»). Ведь что такое сатира? Это не само по себе обличение-бичевание общественных язв с помощью юмора-иронии, даже не высмеивание порока в согласии с надлежащим образом оформленным, утвержденным традицией стилем! «Сатира» – прихотливая *смесь*, ее продвижение на этапе от Лукиана¹ до Лукина связано с постижением важнейших аспектов бытия, одновременно смешных и страшных. Сатира – не лирика и не эпос, хотя имеет черты того и другого... Миф о ее «медицинской полезности» во имя прогресса и просвещения – чушь, подобная басням о вредности и *греховности* смеха как такового (смех – «порождение дьявола», лики на иконах не улыбаются, и правдивость – совсем другое дело, она не обязательно сатирична)! Сатира – явление социально-культурное, в том числе и вполне консервативное по духу, однако по преимуществу «низовое», плебейское уже у Эзопа и Аристофана. Сатира возникает как отношение к чему-то и трансформируется, к примеру, в анекдоты – восходит от «бытовых» и «непристойных» к *политическим*, продолжается в «описании нравов» (Петроний и Боккаччо, Ярослав Гашек и Курт Воннегут, Задорнов и Алешковский, «Прожектор Перисхилтон» и «Комеди Клуб»)! К апогею («апофигею», по Ю. Полякову) содержание «критики смехом» восходит уже при типических, очевидных проявлениях *отжившего* в качестве обыденно-смешного. Нос майора Ковалева имеет генеральский чин; ошибка писаря (подпоручик Кижж) делает карьеру; забытый часовой Чонкин останавливает наступление врага, отчего Гитлер меняет ориентиры плана «Барбаросса» (это «антисатира», гротескное издевательство над историографами); «девушка из хорошей семьи» (С. Довлатов) и «русская красавица» (В. Ерофеев) пророчат мачехе-отчизне два пути, одинаково самоубийственных; за игрой пелевинского «принца Госплана» –

¹ Лукиан из Самосаты (около 120 – около 190 гг. н. э.) – др. греческий сатирик, яркий представитель жанра «мениппеи», философской сатиры. Повлиял на творчество Эразма Роттердамского и Франсуа Рабле, на Вольтера, Свифта и Гоголя.

внутренняя пустота разрушившей себя элиты все еще великой страны, – и все эти художественные реалии стоят в одном ряду с резными идолами-деревяшками, которыми «навьи» берендеи (Е. Лукин) растапливают-раскаляют железные солнышки!

Илл. 3.

Афоризмы Козьмы Пруткова (А.К. Толстой, братья Жемчужниковы) и генерала Дитятина вкуче со стихами Конрада Лилиеншвагера (Н. Добролюбов), швамбранские «детские» революции на фоне реалий гражданской войны (Л. Кассиль) и «мореходные» умствования Петра Ниточкина (В. Конецкий) раскрывают восхитительные глубины повседневной реальности, граничащей с абсурдом. Продолжающая эту традицию новелла Лукина «Чичероне» при ее непроглядно «черном» юморе в тысячу раз глубже «демотивационных» и «деконструктивных» (*серых*) произведений, паразитирующих на руинах «соцреализма» –

«выродившейся романтики» (прекраснодушного глянца особого рода, наличествующего в любой культуре, прошедшей этап модерна). «Прекрасность жизни» (Е. Попов) можно показывать мрачайшими изобразительными средствами, – Э. Ветемаа не зря декларировал в пьесе «Святая Сусанна» жизнеутверждающую ценность похоронных маршей! Лукин еще как умеет пародировать «официозмиазмы» любого качества, но не желает осмеивать подобные глупости поверхностно. Классическая *идейность* его произведений требует смеха, но не ухмылки; конфликта, но не склоки. Смех дает внутреннюю свободу, он враждебен всему косному, лживому, паразитическому.

Сатира, как известно, предполагает культурное отрицание «отживших форм бытия» – и в качестве особого рода литературы, и через принцип художественного изображения... Лукин – сатирик и в лирике (поэт, бард-исполнитель), и в прозе. Фантастика научная или фэнтези – обе годятся, поскольку именно эти жанры «наиболее реалистичны» сегодня [2]. Может показаться, что автор сознательно (провокационно) играет «схемами коллизий» в рамках «житейско-сюжетного дискурса», но культурологические модели создаются не для «обыгрывания», – вместо «хохмического» умиления, «балдежки» и соответствующей

ультраромантической эйфории читатель оказывается перед зеркалом. Исчезают статусные условности, почтение к авторитетам, роль которых ты не осмысливал и не видел, уходит представление о себе как венце природы, – это не только самопознание-самопостижение (форма социализации, то есть взросления), но и принятие на себя ответственности за то, что происходит вокруг. Пропаганда (т. е. «журнализм» в качестве системы управления «обыденным сознанием», – *набор сведений*, имеющий целью не упорный будничны́й труд ради совершенствования себя как мира, мира как себя, но «служебно-паразитическое», *потребительское* «примирение с действительностью») направлена на противоположный результат, особенно когда она позиционирует себя в качестве популяризатора науки, глашатая прогресса... Благодаря пропаганде (т.е. демагогии) любая, самая верная мысль превращается в свою противоположность, тогда как «зеркало иронии» гарантирует реципиенту осмысление-проверку его *веры*, «испытание смехом». (Это не значит, разумеется, что ирония и сатира не являются орудием политической борьбы и пропаганды. Демагогия у Аристофана или Задорнова столь же естественна, органична, как в «Разговорах гетер» Лукиана или «Плавленом сырке» у Шендеровича. Жанр не прощает «дебильной» вульгаризации, стилизованной пошлости; «игра в политику» – *высокая* форма сатиры, поэтому здесь так важны подлинные (не декларированные – глубинные) нравственные ценности автора).

Лукин всматривается в своих героев без гнева и горечи. Это не значит, что он их презирает, предвидя все, на что они способны, – «человеческое сочувствие» имеет место. При этом – никаких лозунгов и призывов, обыгрывается *юмор ситуации!* Этот юмор может быть и самым «черным»: например, культурные герои повести «Слепые поводыри» (2000) и романа «Разбойничья злая луна» (1997) в итоге получают именно то, против чего восставали и боролись. Указанные произведения примыкают друг к другу и тематически, и культурологически, в них обыгрывается и высмеивается лихой «антиколониалистский» задор, «антизападный» интеллектуальный пафос и романтическое стремление «защитить» *неевропейские* цивилизации, – традиционные, «самобытные» и «примитивные» культуры, но игра оказывается кровавой. Смеяться не над чем – «птичку жалко»! Художественный результат этого литературного эксперимента (довольно-таки смелого, жертвующего «авантюрной» увлекательностью во имя художественности, *исторически достоверной* образности) весьма показателен. Эти произведения особым образом «рифмуются» с повестями «*Delirium tremens* (Страсти по Николаю)» (1997), «Бытиё наше дырчатое» (2007) и романом «Зона справедливости» (1998), где идея-замысел подчиняет

отталкивающую реальность до такой степени, что она становится абсурдной за пределами, чуть ли не компрометируя автора, без улыбки на лице забавляющегося «хитроумной» (как один спятивший идальго Сервантеса) игрой... Иногда – до потери вкуса (например, в повести «Бытíе наше дырчатое», где женские и мужские аспекты так наз. «восточных единоборств», достойные осмеяния, поданы нарочито натуралистически, линейно-физиологически). Карикатура, да, – на уровне философско-культурологической *схемы!*

Получился тупик, но результатом лукинских исканий стал не сатирический роман как интеллектуальный шедевр и не юмористическая повесть как философское открытие, – этого в «сверхзадаче» не было, – а что-то более важное.

Илл. 4.

«С нами бот» – еще один прогноз *тупика*, совершенно не похожего на «розово-прогрессистские» модели эпохи СССР и тем более «пессимистические» идейные построения нынешней эпохи. Дело не в том, что Лукин *опять* обличил-разоблачил самодовольных люмпен-интеллектуалов, он «повернул глаза зрачками в душу», дабы читающая публика увидела довольно-таки жуткие, реально-фантазмагорические перспективы нынешней интеллектуальной элиты, будущее «новой» России и всей *европейской цивилизации* при «кризисно-антикризисном» господстве оравы витийствующих ничтожеств, «представительствующих» психопатов, «говорящих голов»!

Лёни Сиротины в качестве политиков и бизнесменов, ученых мужей (например, знатоков *геликософии*) и «деятелей искусств» являются закономерным результатом *предшествующего развития*, европейских традиций и популяризаторских тенденций. («Популяризация» – форма пропаганды, осмеянная интеллектуальной сатирой (см. «Новейший Плутарх» Д. Андреева, В. Парина и Л. Ракова). История с «открытиями» Фоменко и Носовского чем-то похожа на эволюцию Л. Рона Хаббарда, сделавшегося из писателя-фантаста, «популяризатора науки» основателем церкви сайентологии. Например,

А. Бушков, «коммерческий» автор, не чуждый фантастике, в книге «Планета призраков: как создавалась фальшивая реальность» (М., Олма Медиа Групп, 2007, 575 с.) рассказал о негативной роли «экспертных сообществ» – и показал в том числе и на себе, как *литератор-идеолог* в качестве эксперта помогает разрушению общественной нравственности. Он выносит вердикты, ставит окончательные оценки, защищает *веру-предание*, – пытается сразу солировать, аккомпанировать и дирижировать со сцены, показывая, что получается при возвращении к *благонамеренным* проповедям, «мифонаучному» синкретизму...) Спрос на *имитаторов* (привет похожим героям Ю. Трифонова, С. Есина и Ю. Полякова) рождает предложение в той же степени, в какой предложение рождает спрос, и что же дальше? Автор данной публикации при чтении повести «С нами бот» отметил в себе спонтанное и *детальное* сравнение себя с героем произведения, чего с ним не было уже давно. В юные лета почти каждый читатель хочет быть похожим на героев-орлов, в зрелые опасается ходульности-пошлости, ненавязчивый психологизм дорогого стоит. Не зря «прозе Лукина свойственны социальный пафос, внимание к морально-нравственным вопросам, невероятное остроумие и языковая изысканность – филолог по образованию, в каждом своем тексте он буквально играет стилями и смыслами. Примерно в этом же ключе решено и большинство его стихов и песен, однако в них еще ярче проступают гротеск и парадокс. <...> Проблема взаимоотношений общества и власти в произведениях Евгения Лукина <...> принимает предельно личное выражение – столкновение интересов обыкновенного, «маленького» человека и человека, облеченного властью» [4].

Иначе говоря, почтеннейшей публике предъявляют ярко-красный призрак социальной розни, официально как бы считающийся сгинувшим в «проклятом прошлом», – однако ясно, что «гламурное» обожание и реальная *зависть* непрерывно растущей массы аутсайдеров (как «умственных калек», так и «лишних людей») неизбежно обернется их презрением, ненавистью – и, как следствие, взрывом, *расправой*... Чтобы знать это, не обязательно читать «Град обреченный» Стругацких, «Белую гвардию» и «Собачье сердце» Булгакова, а тем более «Тихий Дон» Шолохова. *Господский* идеал «духовной элитарности» обречен исторически, его губит сама «музыка бытия», по Гоголю [5, с. 157].

Лёня Сиротин относит себя к интеллектуалам, обожает умные словари девятнадцатого века, его окрыляет-распирает чувство превосходства над «чернью безмысленной», людьми «омассовленного сознания» – пенсионеркой-тещей, бизнесвумен-женой, симпатичной медсестрой в больнице и даже *умной* дочерью шефа – следующей женой, уже не говоря о

братьях-мужчинах. Исключение составляют уголовнички-мафиози, угодившие в аварию, благодаря которым безработный больной получает *бот*, – и специалист, установивший на Лёню ужасно дорогую электронику, обеспечивающую идеальную память, контактность и оптимальную психологическую совместимость с окружающими. Врач, Олжас Умерович Курбангельдыев, – представитель фирмы, производящей боты – не только умен и даже мудр, он еще и *мошенник* (в гоголевском стиле, по Собакевичу, у него не зря сложности с законом)! Получается, что умные, развитые люди в «просвещенную» нашу эпоху либо мафиози, то есть уголовники (не исключая олигарха Труадия Петровича, шефа и будущего тестя Лёни), либо неудачники, третьего не дано. Герой объявляет себя специалистом в самой новой науке о развитии-процветании, «геликософии», становится руководителем отдела в концерне, от которого во всем зависит фирма жены Сиротина, великолепной Евы.

Она была недовольна низким статусом супруга, требовала «деловых качеств» – но ведь это не человеческие качества, «тупая автоматика»! С этим справляется электронный бот («ботает» красиво и *круто*, – простецы хохочут над «шутками юмора», интеллектуалы побаиваются, а дамы, включая жену, находят привлекательным). Что остается герою, от которого осталась внешность, видимость? *Мировая культура*, – он тратит освободившееся время, читая беллетристику и классику, просматривая фильмы, – может быть, еще слушает фуги, сонаты, симфонии, отдавая боту-автопилоту управление своей «внешней» жизнью. Зачем вообще *культура*, которая «только для себя», этот вопрос и в голову не приходит. Быдлу темному, воспитанному на телевизионной жвачке, свое, а ему, богатому внутренне, подавай *высоко духовное*, глубоко эстетичное и классически мудрое! «Каждому – свое»... В каком лагере уничтожения была эта надпись над воротами, в Маутхаузене или Бухенвальде? Как только ты *напрочь*, решительно и сознательно отделяешь себя от «чуждого элемента» – мерзких и тупых, грубых и темных людишек по принципу наличия у них соответствующей культуры, включается социально-психологический механизм, известный еще в Древнем Египте. Взаимное неприятие людей, выросших в рамках одной культуры из различных страт-субкультур, «цивилизационное» отчуждение, «священная» вражда *благородных господ* (гуманистически ориентированных интеллектуалов, но и «белокурых бестий», и «молодых штурманов будущей бури»), их мнимое противостояние – или, наоборот, сочувствие *быдлу* (вульгарным, «примитивным индивидуумам», *нищим духом* «простецам», вроде бы наследующим царство небесное), – вот она, суть конфликта! Борьба антагонистических классов, принципиальный эгоизм и «вражда элит», необходимость насаждения казарменной («палочной») дисциплины ввиду угрозы бунта-

анархии [6, с. 253], – обязательный ассортимент привычных бытовых реалий и культурных стереотипов, требующих их реализации и «качественного развития» на практике. Это система взглядов, с которой вступают в жизнь всяческие снобы – и «антиэлитаристы», *плебейские дундуки* вроде Аракчеева (Угрюм-Бурчеева), и «аристократы», презирующие *нищих*, и умеренные-аккуратные деятели *среднего класса*.

Снобизм плебейский, «тупой», явление более частое. «Хамский» гоголь, общеизвестная фраза «мы в академиях не обучались!» – из той же кухни. Выпускникам Гарварда и Кембриджа, Массачусетского технологического и Сорбонны, МГИМО и Бауманки должно быть стыдно, что они *умны* («сильно умный!») – клеймо-ругательство, ярлык *социальной чуждости*, образованы и хорошо воспитаны, в отличие от «селфмэйдмэнов», якобы воспитавших себя самостоятельно. Этот психологический механизм показан Гоголем, Салтыковым-Щедриным, Чеховым.

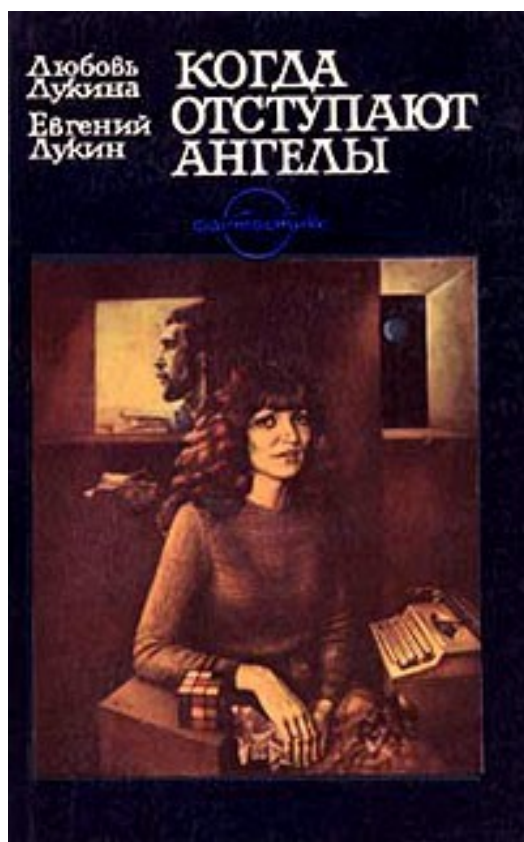
Илл. 5. Евгений и Любовь Лукины

Советский вариант образцово описан Зощенко, но самый парадоксальный (якобы) случай показан Ильфом и Петровым в повести «Золотой теленок». Обитатель Вороньей слободки, Митрич, возвещает, что «в гимназиях не обучался», – и это правда, поскольку означенный персонаж окончил Пажеский корпус, – придворную, элитную военную школу Российской империи... Это сатирический образ целой эпохи, в которой поколения интеллектуалов (с XVIII в.) играли «кающихся» (вариант – «гнилых») интеллигентов, «просветителей» (либо «декадентов»), а также «выходцев из народа» (вариант – «перерожденцев» и «приспособленцев»). Это не искажение норм образования и одаренности в угоду «невежественному хамью», это ситуация гражданской войны и культурной революции, – «восстания масс», враждебных *чуждой* культуре.

К такому относится жена Лёни, Ева, *уступающая* мужа наследнице концерна «Мицелий» за право остаться во главе своей фирмы, становящейся филиалом означенного концерна. Ева – «истая зомби», куда там боту! [1, с. 115]. Сходным образом живут и Запад, и Восток, – в многослойном коконе стержневых «цивилизационных» мифов, формируемых канонизированным по-своему бытом, в борьбе за цивилизационное первенство. Игра в доминирование Запада – та же, что у ООО «Мицелий»! Это долгосрочный *проект*, основанный на поверхностном вовлечении в Большую Политику так называемых «масс», уходящих от «нищеты духа», – поэтому *массам* и продают (навязывают) эрзац-культуру, формируемую «геликософами».

Е. Лукин к «народной стихии» относится негативно не из-за политических симпатий, он знает ее изнутри, – служил в армии, работал *на производстве*, и к «новым русским» у него отношение критическое. Как эти люди думают, чем дышат, интересно и ему, писателю, и «омассовленной» публике, замкнутой на СМИ, на ТВ – и *желтую* нормативную идеологию, сразу обличающую и фальсифицирующую «проклятое прошлое» (советское, «царское» и др.).

Писатель, в отличие от ученого, вынужден пользоваться той же машиной, – точнее, образами-терминами, чтобы работать с реалиями, интересными читателю. Мнимая брутальность, натурализм в художественных деталях произведений Лукина на «рубеже тысячелетий» объясняется этим. Например, в повести «Алая аура протопарторга» (2000) использованы идеологемы 90-х годов о «красно-коричневых» происках, псевдорелигиоведческие выкладки о *культурной* преемственности, взаимной зависимости коммунистической идеологии и православия, а также привычные с XIX в. песнопения о «варварской» пассионарности русского народа, его склонности к рабству, анархизму, аморализму, атеизму, et cetera. В подобных инвективах даже фальсификации не особенно нужны, важен суровый, обличительный тон и «директивно» подаваемые *эмоции*.

Илл. 6–7. Обложки некоторых книг Евгения Лукина

«Желтые» иллюзии, создаваемые и поддерживаемые на *проектной* основе, Лукину интересны и как филологу, и как психологу. В таких произведениях, как «Манифест партии национал-лингвистов» (1997), «Delirium tremens (Страсти по Николаю)» (1997), «Гений кувалды» (1997), «Катали мы ваше солнце» (1998), «Чушь собачья» (2003), «Портрет кудесника в юности» (2004), «Бытиё наше дырчатое» (2007), «Лечиться будем» (2008), «Чичероне» (2009)², можно увидеть что-то вроде грустной улыбки врача, подтверждающего диагноз. *Больные* о лечении, режиме и соответствующей диете и слышать не хотят, усматривая цивилизационно-культурный прогресс именно в *болезнях!*

Есть мнение, что Е.Ю. Лукин в настоящее время может быть назван «одним из самых ироничных фантастов России» [7] и единственным фантастом-сатириком, осмысляющим *препотешное* бытие достаточно глубоко. В смысле – и «нравственно-социально», и «культурно-философски», осознающим российскую действительность во всем ее многообразии, по мере возможности, – то есть, является он по существу не широко

² Даты написания произведений приводятся по данным, взятым по следующему адресу: <http://www.fantlab.ru/autor170> (дата обращения: 02.07.2010)

известным в узких кругах «литератором», а *большим* писателем! Литераторы-эстрадники – это другие стандарты и другие жанры, не чуждые при случае самому юбиляру, каковой, однако, с эстрады предпочитает петь под гитару, а не охмурять почтеннейшую публику «хохмической» прозой, дабы реготала и гыгыкала, самодовольно блаженствуя. Посему веки не ощутит сноб-эгоцентрист в творчестве Лукина утверждения своего социального превосходства над *малокультурными* «лохами», укрепляя в себе наличествующий и без того душевный комфорт [8]. Мимикрия «хамства торжествующего» может, показывает Лукин, симулировать *аристократизм духа*, – это вопрос позиции, «установки на добро»...

Сиротин понимает, что к нему относятся по тому же принципу, что и он относится к другим. *Бот* в ряде случаев более «человечен» благодаря отсутствию снобизма. Таким образом, Лёня, вроде бы мыслящий человек, близкий к стоицизму, на время отказывается от критического мышления и человеческих отношений, заменяя их *модулями*. У него есть на это *право*, – он вроде бы не нарушает никаких законов, кроме нравственных. В том-то и штука, что нравственные законы *выше* прочих, этого даже правозащитники не отрицают!

Лёня проходит путь от безработного до олигарха относительно легко, потому что он «по жизни» индивидуалист – и не может сочувствовать неприятным типам даже в том случае, если они являются его зеркальным отражением. Не он воздвиг стену между собой и другими, но она ему необходима, *защитная* стена, которая для многих творческих людей становится кошмаром (в этой связи можно вспомнить фильм А. Паркера «Стена» с музыкальными композициями группы «Пинк Флойд»), – он не творец, он *потребитель!* «Мировая культура» и «высокое знание» для него и способ самоутверждения, и достойное времяпрепровождение, отрешающее от суеты. Мелкий эгоцентрик, выросший в олигарха, отнюдь не достижение эволюции – ни по Ламарку, ни по Дарвину.

Интеллектуалу Сиротину нет дела ни до своей семьи (и первой, с Евой, и второй, с Гердой), ни до бизнеса, – ни до чего, кроме себя, мимикрирующего плута. «Притягательность невразумительной терминологии» и ее правильное применение обеспечили офисному служащему высокое общественное положение, уважение и доверие окружающих, хотя это не более чем «игра общения» в рамках методик социального взаимодействия. Уже в СССР внедрялись принципы, рекомендованные Д. Карнеги. Условия игры – от «науки» геликософии, прогнозирующей методики развития через концерн, получающий целый регион «на поток и разграбление» с помощью пустозвонной терминологии, а также благодаря соответствующей рекламной кампании [1, с. 74].

Тем не менее, Лёня драпируется в тогу *мыслителя*. Как известно, мечта многих «критически мыслящих личностей» – «философ у власти». Один-единственный философ («просвещенный» самодержец, он же «идейный» интеллектуал), – больше не надо, чтобы не вышло расхождений в очередном единственно верном учении... А если оный философ – психиатр, складывается идеальная система, хотя именно абсолютные властители, которые самодержцы, более всего зависят от страха подданных. «Воспитанный в страхе перед теми, кем он правит, он должен... лелеять этот страх и наращивать его» [5, с. 172], но теперь его противники – не политические преступники, даже не уголовники. Это больные, нуждающиеся в помощи, и вместо тюремного режима положено им клиническое лечение! Каждый гражданин *вправе* (и в *обязанности*) получить диагноз, дабы и впредь пребывать под амбулаторным наблюдением врача (идеальный вариант – доброго и *демократичного*), чей «накрахмаленный халат с орденом Красного Креста четвертой степени скромно висит в углу на плечиках» [9, с. 8]. Воплощенная мечта среднего класса – совершенный порядок!

До боли знакомая картина, отражающая социально-культурную ситуацию

Плутоватый, «сломавшийся» поначалу Лёня Сиротин, как и Алексей Колодников, герой «Зоны справедливости» (1998), соседствуют в творчестве Лукина с *положительными* (идейными, хоть и комически-трагедийными) культурными героями – такими, как Ратмир Петрович из повести «Чушь собачья» (2003) или Артём Стратополох из повести «Лечиться будем» (2008). Доктор Безуглов, глава Сызновской республики (бывшая часть государства Баклужино распавшейся ранее Лыцкой области) находит друга-конфидента, советника-собеседника в этом «молодом литераторе сорока двух лет от роду», неблагонадежном ввиду неизлечимого патриотизма поэте. Сотрудники здравоохранительных структур имеют в этом герое благодарного пациента, сознающего свою *патриопатическую* шизоидность, склонного к пониманию не слишком любящих его сограждан и особенно согражданок сходных и совсем других убеждений, «афориста»-сатирика (автор наделяет героя интеллектуальным обаянием и дает возможность резвиться не только эстетически).

Артём Стратополох отдаленно похож на Виктора Банева, героя повести братьев Стругацких «Гадкие лебеди». Он пользуется успехом у женщин – к примеру, *ненавидим* политической противницей-коллегой настолько страстно, что она отдается ему прямо в

парке (до того яростно, бескомпромиссно и пламенно, что бдительные санитары, которые всегда рядом и наготове, принимают парочку за «нормальных» развратников)... При этом у «молодого литератора» дома *образцовая* в смысле тяги к *нормальности* зомби-жена, – закодированная, до поры живущая без никотина и алкоголя, наркомании и нимфомании, патологической ревности и других вредных привычек, – и действительно нормальный, симпатичный сын, однако быт в государстве-клинике далеко не мед. Совсем не оттого, что чего-либо не хватает и вокруг сплошные погромщики, уголовники-хулиганы – наоборот! С виду все *нормально*, а вот что творится в душах людских? Всё на свете требует не просто труда и внимания, но и *работы* – от сатирических афоризмов до медицинского законодательства! Избавление от уже ставших привычными «пут цивилизации» (гипнозапретов, суггестивных *кодирований*) приводит к тому, что пьяная в дым супружница, вчерашняя паинька, привезенная санитарями после *раскодирования*, самовыражается доступными ей способами, а Стратополох впервые, по сути, задумывается о своей бытовой, повседневной ответственности *за других*... Это не лирические призывы к всеобщей любви, высокому патриотизму и «самоокультуриванию»! Служба как *служение*, труд-призвание – своего рода каторга, в отличие от синекуры, должности «внештатного советника». Доктора Безуглова занесло во власть (а до того в пациенты психиатрической клиники из «мануальщиков») по случаю, ему все осточертело, а бывший «извращенец» (прежнюю медкарту изъяли, диагноз изменен), тем и хорош, что готов думать о других – и вообще *думать*! «Встретились в безумном мире два нормальных человека, два настоящих маргинала», – чтобы сделать этот мир хоть чуточку лучше, может быть? [9, с. 132].

От *имитаторов* обществу ничего хорошего ждать не приходится. «Трезво мыслящие» самозванцы, развлекающиеся *культурой*, могут и ломать, и строить, – все равно получится кукиш вроде «баклужинской клептократии». Без «сверхценной идеи» обожатель культуры остается ее потребителем, но Стратополох и впрямь «безумен», поскольку знает себя – и знает цену иллюзиям... Эти *зablуждения* – он сам и другие люди, связанные с ним так или иначе, и ничего другого у него нет, вот что дороже всего, а что касается Сиротина, он достаточно практичен. (Глеб Портнягин, президент-колдун, герой «лихих 90-х» («Алая аура протопарторга», «Портрет кудесника в юности») – куда более жесткий вариант Лёни Сиротина; он ведь не просто «из народа», он *самопросветитель* – и учится постоянно). То, что этот *сиротинушка* наподобие богатыря Жихаря, героя М. Успенского, считает себя увлекающимся оригиналом и впрямь является остроумцем, сохраняющим человеческое достоинство, говорит в его пользу (два года продержался на очередном месте работы,

личный рекорд!). Он стал эскейпистом оттого, что устал играть в *чужие* игры, поскольку от него требуют, чтобы играл, издевательски меняя правила; вот Леонид Игнатьевич и воспользовался подвернувшимся ботом, избавляясь от унижений...

Не герой эпоса, но «герой лирический» – и для сатиры в самый раз! Эволюция Лёни Сиротина (своеобразного антипода Лёни Голубкова, героя незабвенной рекламы «МММ») весьма показательна. «Мыслящие люди» в человеческом плане у Лукина не выше, чем бомжи-алкоголики или братки-уголовники, тем более трудяги-работяги. Он писатель жесткий, но не жестокий, его книги, даже развлекательно-увлекательные, уморительно фантасмагорические, саркастически-забавные, гарантируют читателю что-то вроде курортного праздника, карнавала (потому что *чужаков* нет, все *родные*, даже злодеи в соответствующих масках). Пафос – одновременно пародийно-карикатурный, клоунский, бурлескный, но при этом (благодаря этому) дидактический. Можно в этой связи вспомнить *веселый* сарказм цикла «Портрет кудесника в юности» и горький юмор описаний половых актов и других прежде табуированных, обязательных сегодня деталей быта, характеризующих «скрытые» устремления героев, – например, в повести «Чушь собачья». Карнавально-праздничная пародийность служит прикрытием для «благородного безумия», творчески плодотворного и *по-детски* забавного (увлеченно играющими детьми можно любоваться, не насмехаясь над ними, но радуясь чему-то более высокому, чем философские системы). Таковы *культурологические* новеллы-эссе – «Как отмазывали ворону», «Рукопись, найденная под микроскопом», «Типа неопределенный артикль», «В защиту логики», «Разборка с Маркионовым» и др., на самом деле все тем же коварным образом (увлекательной «музыкой слов-смыслов») обращают глаза читателя зрачками в душу, а рекомендаций к самосовершенствованию-поумнению не дают. Собственный путь надо искать, дамы и господа, дорогие товарищи, а не пошлячить, попирая подошвами торные дороги, вымощенные чужими свершениями – трудами-страданиями, бедами-обретениями!

Культурные герои Лукина противоположны «исправленцам-зомби», уверовавшим в себя, хороших, – на таких безликих бедолагах паразитируют и колдуны-«западники», и священнослужители-идеологи, о которых речь впереди. Что касается социальной сатиры, она у Евгения Юрьевича вроде бы «безадресна», даже «Заметки национал-лингвиста» не обращены против конкретных политиков или партий, однако насколько примитивными в этом «детском» магическом *зеркальце* оказываются «евразийцы-почвенники», до чего вредоносными предстают «западники-либералы», не говоря о самой системе «отвлеченно-

формального» мышления! Фуко и Деррида завидуют («отдыхают»), Адорно и Барт аплодируют, а современные читатели видят, что принимать всерьез националистические и тем более *обратные* игры, – даже не пародируемые, формируемые «контекстуально, в дискурсе», – смешно [10, с. 206–212]. Слушая или читая общественных деятелей разных направлений, видишь Сиротиных и Портнягиных, Выверзневых и Невыразиновых («Алая аура протопарторга»), Игорьков и Сергей Самсонычей («Слепые поводыри»). Не по жажде власти, по стилю мышления! Они сами так *играют*, Лукин-сатирик ни при чем, – синдром «трезвости мышления» типичен для психопатов, страдающих агрессивной формой неоромантизма, сказал бы доктор Безуглов... Именно эти *больные* полагают себя «трезво мыслящими» реалистами – чиновниками-уголовниками, бизнесменами-грабителями, мешающим жить и развиваться *нормальным* людям, – таким, которым сейчас «за Волгой земли нет», как гласит второй эпиграф к новелле «Время разбрасывать камни» [11, с. 167].

Возможно, закат «цивилизации денег» и впрямь не за горами, но своими именами, открыто такие вещи может называть либо «антилиберальная» публицистика [12], либо социально-культурная фантастика, – «условная литература» [13], где вымышлены не только события, но и «законы, по которым эти события строятся», по формулировке А. Щербака-Жукова. (В статье А. Щербака-Жукова [13] показано, как российскую фантастику коммерциализация превратила в ничто, а ведь Татьяна Толстая, Ольга Славникова, Дмитрий Быков, Павел Крусанов – *фантасты*. Даже Михаил Веллер «постарался забыть, что когда-то ходил на семинар к Борису Стругацкому», – потому что само слово «фантастика» скомпрометировано дальше некуда). Это не значит, разумеется, что *западные проекты* у нас не работают, поначалу даже план «Барбаросса» выглядел превосходно, хотя именно он, молниеносный-победоносный, погубил Третий рейх очевидной для штабистов-операторов, разработавших его, «неизбежностью быстрого, полного и окончательного разгрома» РККА и СССР.

**«Литературная автономия» в фантастике
кончается там же, где здравый смысл [14, с. 291]**

Ирония Лукиным не навязывается, но ею пропитаны все его тексты (включая лирику – и его песенную поэзию). По образованию он педагог, филолог, ему введома сила правды и бессилие вранья, из-за чего насквозь идеологизированные «гуманитарные» науки

становятся чем-то вроде школ риторики из поздней античности, а ученые степени – социальной титулатурой. Сатира Лукина обращена отнюдь не на «отдельные недостатки» затянувшегося «переходного периода» современной российской истории. Временами она уходит в «этнографию и субкультуры», в достоверное «описание нравов», – как в повести «Слепые поводыри», где *интеллектуал-книгочей* Игорек оказывается мерзавцем более последовательным, чем его босс-олигарх Сергей Самсонович Имярек. Та же история просматривается в следовании Лёниного бота заветам Труадия Петровича, – мудрого шефа, будущего тестя... По этой причине обожатели легкости в читательских мыслях и коммерческой пользы, финансовой отдачи от «вращения балерины» (по Жванецкому) повесть оценивают неоднозначно («сильно умная») [15]. Что и говорить, с незамутненной мыслью «ржачкой», с *приколами* жить проще, но в итоге обязательно найдутся желающие «прихватизировать» смех как таковой, дабы свести «процесс общения с высшими силами» и читающей публикой к поточному производству памятников-кукишей. Всероссийское и всемирное повторение этого хулиганского «подвига» Ромки, вполне «антикультурного» героя («Гений кувалды»), означает добровольное возвращение человечества на тернистый, мягко говоря, путь цивилизационных катастроф, роковых и для *здравомыслящих* (они так думают) «упростителей», грезящих о монополии даже на виды юмора с «рыночно-либеральной» риторикой – и *с позиции силы*...

Сатира Лукина концептуальна, фантазия – реалистична и социальна. Общественные коллизии и люди в изменяющихся обстоятельствах – наши соотечественники, узнаваемые во всем, – от Фрола Скобеева, персонажа «допетровской» литературы, зэка из Второго круга ада (повесть «Там, за Ахероном», 1995), до «протопарторга»-чудотворца Африкана и его врага-друга, баклужинского президента-колдуна Глеба Портнягина («Алая аура протопарторга»; «Портрет кудесника в юности»). Как в зеркало смотримся, «Труженики Зазеркалья» (2001), и стыдно за себя, и Достоевского поневоле вспомнешь без пиетета, – иронически, читая повесть «Чушь собачья» (2003), потому что *вынужденное* в социальной роли донкихотство и самоотверженный «псиный» героизм – не сахар, брошенный в поощрение хозяином-богом, а суровая реальность, объективно данная нам в ощущениях современности... В «лихие 90-е» именно за исполнение служебного долга можно было вернее всего угодить под суд и вылететь со службы, *высоко идейная* «собачья служба» людям была недоступна, – оказывается, собакам в этой сфере можно завидовать и сейчас!

Но даже собачья жизнь *простой* не бывает, – и античные, и более современные по «хронотопке» мыслители не зря что-то твердили о «прекрасной сложности» в ее сути и

художественном отражении, поэтому «Человеком года-2009» в Волгограде был «назван известный писатель-фантаст Евгений Лукин». К нему много претензий и у западников, и у почвенников, но 23 декабря 2009 г. на сцене Волгоградского музыкального театра состоялась восемнадцатая торжественная церемония смотра-конкурса творческой интеллигенции Волгоградской области «Царицынская муза-2009», и жюри решило, что Лукин Е.Ю. достоин лаврового венка! «Лауреат несметного количества литературных премий» удостоился, таким образом, признания даже в месте постоянного обитания... [16]. И шестидесяти в ту пору не исполнилось, а уже такой успех!

Сатирикам нужно жить долго – не меняются герои, но меняется общество... В конце концов, разве может быть с точки зрения формальной логики что-то более абсурдное и даже фантазмагорическое, чем обыкновенные, привычные в типовой идеологической бредятине телевизионные новости, говорит запойный колдун Ефрем Нехорошев, а мы их смотрим – и анализируем информацию (зрительную, вербальную, образно-эстетическую, структурно-контекстную и др.), считаем себя при этом практичными, рациональными, даже очень здравомыслящими гражданами, – особенно если дикторы вещают о чудо-лекарствах, рекламируют магов и экстрасенсов, повествуют о дивных происшествиях с мироточивыми иконами, явлениях призраков и барабашек... Ну и что? «Абсурдность окружающего нас реального мира» подтверждений сегодня не требует [7], – в свое время творческий дуэт с женой, Любовью Лукиной, распался оттого, что реальность рухнула, фантастика стала бытом и перестала быть жанром литературы, – но в том-то и дело, что «запудрить мозги» российскому социуму возможно лишь на короткое время. Произведения Лукина с их «антибыдлизмом» рассказывают об этом довольно ярко, и даже повесть «Катали мы ваше солнце» (1998) в качестве своего рода вершины развеселого социального отчаяния (наряду с «Алой аурой протопарторга») показывает, что истинный прогресс есть не «использование зла во благо», – это борьба с очередным *цивилизационным* злом: например, преодоление «либерально-прогрессивных» систем *промывания мозгов* и технологий власти. Не только «святая» ложь в качестве правды, но и «популяризованная» («усеченная», кастрированная) правда в качестве максимально удобной лжи – универсальная форма социальной демагогии. В повести «Алая аура протопарторга» два главных культурных героя, *дружащих во вражде*, ориентирующихся на противоположные культурные традиции, не просто нуждаются друг в друге, – формально они «живут-борются», опираясь на «внутренние духовные ресурсы народа», с

одной стороны, и вроде уповая на «помощь цивилизованного Запада», с другой. Колдун без чудотворца – ноль без палочки, и теократ дешево стоит без «светского» врага!

Что это означает внутри фантастической реальности с ее чудесами? Коллизии, о которых было сказано по отношению к повести «С нами бот», взяты из жизни, но если в 2008 году, когда эта повесть была завершена, проблема имела уже «внутрироссийский» характер, без «палубной авиации Шестого флота США над головами» [17], то на рубеже тысячелетий все еще было настолько *демократично*, что в проектной реальности абсурда распались даже регионы Российской Федерации (десантный вертолетоносец «Тарава» идет к Лыцку, вот-вот войдет *по реке* в Щучий проран [17, с. 573], и вообще американцы распоясались, – «в прошлом году Нижний Чир разбомбить грозили – за непомерно большое количество наездов автотранспорта на пешеходов... Геноцид, дескать!»). К примеру, в тихом городе Баклужино, отколовшемся от Лыцкой области (Нижнее Поволжье, – *sapienti sat*), раскланявшийся с подполковником Выверзневым «старикан числился у него в списке как заведомо работающий на красноярскую разведку и, предположительно, подрабатывающий в оренбургской. Впрочем, население в суверенной Республике Баклужино было маленькое, поэтому каждый на кого-нибудь да работал»... [17, с. 612] В целом атмосфера «Алой ауры» такова, что бесовщина – *норма* даже для служителей церкви. «Нормальными людьми» в таких условиях остаются только домовые, водяные, лешие и прочая мелкая нечисть, в случае войны мобилизуемая, тем не менее, в армию, – включая *беженцев*...

Демократическое суверенное Баклужино в обмен на гражданские права требует от *всех* обитателей абсолютной лояльности, – как и «тоталитарный» Лыцк, в котором правит «красно-коричневый» *Партиарх* Порфирий. В тамошнем Политбюро – православно-коммунистические чудотворцы, а *митрозамполит* внутренних дел получил приказ «убрать» *протопарторга* (протопопа-парторга) Африкана, любимого паствой. Африкан популярен, поскольку боролся со светофорами и «нес с высоких трибун кровожадную чушь», отчего международный суд в Гааге объявил означенного священнослужителя террористом. Он и впрямь террорист-подпольщик, – и чудотворец, иначе у него бы не было мистического авторитета среди верующих, из-за которого его невозможно «убрать». Этот политикан ведает, что творит, поэтому Лукин переходит от брезгливой иронии к откровенному, хоть и раздумчивому оплевыванию вроде бы глубоко чуждых, но очень знакомых нам, берендеям, приемов политической борьбы... «Наступают черные дни, и

приблизить их – наша святая обязанность!» [17, с. 663]. Ибо *черные дни* всегда грядут, неуклонно приближаются («конец света», «финансовый кризис», Армагеддон и т. п.).

Выводы: нормальный человек в реальных фантастических обстоятельствах, или борьба плохого с еще худшим в предчувствии новых «социальных потрясений»

У Лёни Сиротина два лица-лика и две *любящие* жены – прежняя Ева и новая Герда, – то есть «жизненная» (*др. еврейск.*) и «защитница» (*др. скандинавск.*). Для Лукина и классицизм, и символизм – родная стихия, мистические прогнозы позволяют как следует посмеяться, и это не «мужество отчаяния», это мужество как таковое... Гражданское и сатирическое, философское и педагогическое, – нужно смотреть в глаза эпохе, иначе из этого противоречивого (а значит, нормального!) ребенка-времени *человека* не воспитать.

«Конец света» в одной стране или регионе, как известно, может случиться из-за реально-фантастического головотяпства *руководства*, – не только на АЭСах или ГЭСах, тем более в лесных пожарах... Берендеи из повести «Катали мы ваше солнце» – восточные славяне (и по Островскому А.Н., автору «Снегурочки», и по Лукину Е.Ю.). У них, берендеев, земля на трех китах стоит и пресветлое солнышко (*сменное*, из железа, набитое горящими деревяшками) с помощью катапульты в небо бросают (промах – пожар, гибель). Производственные трения подземных техников из Нави (Навь – подземное царство, населенное мертвецами; Явь – мир живых людей; Правь – царство богов, небеса), занимающихся этим крайне ответственным делом, дополняются феодальными усобицами, и, похоже, именно из сволочан и теплынец, соседей-конкурентов, произошли православно-социалистический Лыцк, *нравственно* одолевший заокеанских супостатов, и суверенное Баклужино, рвущееся в НАТО всеми силами ультралиберальных правителей-колдунов...

Чего хотят «здравомыслящие» *колдуны* от человека, находящегося в их власти? Чтобы он подчинился постмодерну как «абсолютному праву» (хотя это понятие, как известно, у Гегеля означает полное бесправие). Это «логика отрывков, информационных фрагментов, текстовых ключев, которые формируют сознание человека как объекты его бесконечного, не приносящего удовлетворения потребительского псевдовыбора – вне какого-либо действия, вне истории. Постмодернизм как отражение потребительской стадии капитализма лишает человека истории, запирает его в вечном настоящем» [18].

Свобода в таком обществе не просто ложь, но прямое издевательство, показывает Лукин. «С нами бот» – повесть, описывающая *бытие* в мире, где ты *имеешь право*, не имея возможности хотя бы *сыграть* Диогена! «Право на преуспевание» (оно же и *обязанность*) – ведь никакой садист-тоталитарист до такого не додумается... Запад или Восток, «золотой миллиард» или окраины всемирной империи – разницы в *нормах* бытия нет, – живи как положено и процветай как предписано, иначе пеняй на себя! Всем понятно, что антагонизм «тоталитаризма» и «общества гражданских свобод» обусловлен производственно-экономическим и социальным укладом, конкретными формами патриархальности либо модернизационной «бюргеризации» общества, но кошмар оболванивания всё никак не закончится, «говорящие головы» продолжают долдонить своё. Вопрос не в том, *что* они твердят, а в том, *для чего*... Эти персоны имеют соответствующее право, подкрепленное «авторитетом силы», настаивать на своей абсолютной правоте, поскольку они этим кормятся во всем «цивилизованном мире»: – Имею *право*, гарантированное обществом и государством, на безнравственность и эгоцентризм, на извращения всех видов (покуда не «попал под статью») и уход от действительности, даже на грабеж и убийство, – лишь бы это не противоречило «формальному» *праву*... Идеологические построения – обязательная часть новейшего «цивилизованного» быта, определяющая его «антитворческую», антикультурную сущность. Имею право быть люмпеном, «торчком» – или так себя растатуировать, испирсинговать, «готически» искалечить, чтобы у соседей возникли сомнения в психическом здоровье, но при наличии справки от психиатра и это не беда! Имею право трактовать «духовные заповеди» предков согласно рекомендациям специалистов из религиозных конгрегаций любого профиля, – вплоть до постановления суда *имею право*... Иначе говоря, *человекогражданин* «развитой» («свободной») страны *обязан* (если лишен «высокой культуры») в качестве нравственной опоры или просто слаб изначально) быть корпоративной псевдоличностью – маской, надувающей щеки для поддержания *статуса*, валяющей дурака (*вместе с подобными*) под определенным брендом [18].

Так как ни Сиротин, ни Стратополох к числу подобных лиц не относятся, при другом общественно-политическом «раскладе» таким историческим персонажам светит иная судьба, далекая от вылощенной и сакрализованной, романтизированной «идеи власти», – но это не значит, что бремя власти-труда не достанется подобным деятелям. Прогресс бывает слепым, ирония истории беспощадна, когда слепые поводыри ведут слепых ведомых в яму, но *развитию* нужны зрячие.

Обычные ли «интеллектуалы» эти персонажи и подобные им живые люди – или достойные члены общества («мыслители-деятели»), покажет время испытаний, предстоящих *всем* – если, конечно, верить художественному чутью ведущих отечественных фантастов, к числу которых относится Евгений Юрьевич Лукин.

Список литературы:

1. *Лукин Е.Ю.* С нами бот // С нами бот: Сборник. – АСТ: АСТ Москва, 2009. – 317 с.
2. «Ни бунтарь, ни обыватель...» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <http://lukiny.rusfforum.org/index.php?action=vthread&forum=4&topic=20> (дата обращения: 09.02.2007)
3. *Летаев А.* Лукин оседлал двух «Росконей» одновременно. – Режим доступа: URL: http://exlibris.ng.ru/fakty/2009-02-19/3_lukin.html (дата обращения: 19.02.2009)
4. *Щербак-Жуков А.* Красота по Лукину: Песни седого диссиды и дым отечества в клубе «Жесть» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: http://exlibris.ng.ru/fakty/2007-02-08/3_beauty.html (дата обращения: 08.02.2007)
5. *Золотуский И.П.* Гоголь. – М.: Молодая гвардия, 2005. Серия «Жизнь замечательных людей». – 485 с.
6. *Дженкинс М.* Аракчеев: реформатор-реакционер. – М.: Центрполиграф, 2004. – 271 с.
7. *Ларионов В.* Интервью: Евгений Лукин, писатель [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <http://www.mirf.ru/Articles/art1759.htm> (дата обращения: 24.03.2007)
8. Фантастика – ключ к реальности [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <http://www.molodoi-gazeta.ru/article-7390.html> (дата обращения: 11.03.2010)
9. *Лукин Е.Ю.* Лечиться будем // Бытиё наше дырчатое. – АСТ Москва, 2009. – 320 с.
10. *Лукин Е.Ю.* Манифест партии национал-лингвистов // *Лукин Е.Ю.* С нами бот: Сборник. – АСТ: АСТ Москва, 2009. – С. 206–213.
11. *Лукин Е.Ю.* Время разбрасывать камни // *Лукин Е.Ю.* С нами бот: Сборник. – АСТ: АСТ Москва, 2009. – С. 167–194.
12. *Леонтьев М.* Люди – разные [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: http://www.odnako.ru/exclusive/interline/lyudi__raznxe/ (дата обращения: 02.08.2010)
13. *Щербак-Жуков А.* После бала: Золушки больше нет [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: http://exlibris.ng.ru/koncept/2010-01-21/7_bal.html (дата обращения: 21.07.2010).

14. *Лукин Е.Ю.* Кризис номер два // *Лукин Е.Ю.* С нами бот: Сборник. – АСТ: АСТ Москва, 2009. – С. 283–291.

15. Киберпанк по Евгению Лукину? [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <http://www.fantasy-worlds.ru/publ/8-1-0-460> (дата обращения: 04.07.2009)

16. Евгений Лукин стал «человеком» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: http://reshetoria.ru/literaturnye_hroniki/meynstrim/news2279.php (дата обращения: 24.12.2009)

17. *Лукин Е.Ю.* Алая аура протопарторга // После нас хоть потом. – М.: АСТ: Люкс. – 2005. – С. 559–728.

18. *Бойко М.* История господ и рабов: Кирилл Медведев о постмодерне, левом искусстве и теплом марксизме. Чтобы породить что-то новое, нужна страсть [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: http://exlibris.ng.ru/person/2010-06-17/2_medvedev.html (дата обращения: 17.06.2010)

Сведения об использованных иллюстрациях:

Ил. 1. Евгений Лукин на Российском конвенте фантастики, 2001 год. - Режим доступа: URL: http://www.fandom.ru/foto/2001_roscon/0087.htm (дата обращения: 24.01.2011).

Ил. 2. Евгений Лукин лауреат премии “Странник 97” за рассказ “Словесники” - Режим доступа: URL: <http://www.tf.ru/stranger97.html> (дата обращения: 24.01.2011).

Ил. 3. - Режим доступа: URL: <http://www.mds.ru/index.php?showtopic=6475&mode=threaded&pid=31618> (дата обращения: 24.01.2011).

Ил. 4. Обложка книги “С нами Бот” - Режим доступа: URL: <http://www.afisha.ru/blogcomments/4695/> (дата обращения: 25.01.2011).

Ил. 5. Любовь Лукина (Белоножкина) и Евгений Лукин - Режим доступа: URL: <http://barros.rusf.ru/article247.html> (дата обращения: 25.01.2011).

Ил. 6-7. Обложки книг “Юность Кудесника”, “Когда отступают ангелы” - Режим доступа: URL: <http://www.centrmag.ru/book2179953.html>, <http://barros.rusf.ru/article247.html> (дата обращения: 25.01.2011).

Источник: *Культура в современном мире. — 2011. — № 1. — [Электронный ресурс]. —* Режим доступа: URL: <http://infoculture.rsl.ru>